

ОЦЕНОЧНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ ОППОЗИЦИИ «ОСТРЫЙ – ТУПОЙ»

Рассматривается одна из ключевых метафорических бинарных оппозиций «острый – тупой» в качестве маркера в процессе оценивания действительности, описываются особенности ее метафоризации. С опорой на данные толковых словарей, а также художественные и публицистические тексты национального корпуса русского языка автор характеризует сферы жизнедеятельности, для интерпретации которых человек использует эту диаду.

Ключевые слова: оппозиция, аксиологический, метафорическое значение, символическое значение.

Одним из способов изучения когнитивных механизмов оценочной деятельности человека может стать анализ аксиологической функции бинарной оппозиции – пары противоположных понятий, отражающих явления предметной действительности, их параметры и свойства и используемых языковым сообществом в метафорическом выражении для оценки умопостигаемых сфер жизнедеятельности человека. Эти оппозиции, например ‘свет – тьма’, ‘горячий – холодный’ и др., являются универсально значимыми для языкового коллектива единицами. Они выступают в качестве знаков, за которыми стоит особый способ осмысления мира; это два полюса, посредством которых познается и воспринимается окружающее людей пространство. Такие метафорические диады, показывая отражение чувственного восприятия картины мира, «приложимы к более общим ситуациям», сохраняя при этом «лейтмотив конкретности» [1].

В разряд доминантных архетипических бинарных оппозиций входит и противоположность ‘острый – тупой’, языковые репрезентанты которой относятся к классу имен, описывающих перцептивное и в первую очередь тактильное восприятие окружающего пространства и самого человека, т. е. в основе семантики оппозиции лежит перцептивная ситуация, в которой участвуют воспринимающее лицо и воспринимаемый объект, связанные определенным отношением. Главные языковые единицы оппозиции – качественные прилагательные *острый* и *тупой*, которые в своем значении содержат информацию о способе функционирования объекта и о процессе его восприятия, поэтому называются функциональными именами [2]. Они рассеивают данную информацию по дериватам, парасемантам и иррадируют ее своим семантическим партнерам, создавая вокруг себя языковое поле оппозиции.

Анализ оценочных значений языковых единиц оппозиции ‘острый – тупой’, представленных в толковых словарях [3], показывает, что основные сферы, в которых происходит метафоризация исследуемой оппозиции, – эмоциональная, связанная с проявлением человеческих чувств, и гносеологическая, отража-

ющая его интеллектуальные и познавательные способности. Эти не поддающиеся непосредственному восприятию сферы человек интерпретирует и описывает через знаки более известной и понятной предметной области: «мы концептуализируем то, что определено менее четко, в терминах того, что определено более четко» [4, с. 96].

Главным лингвистическим показателем определения остроты и тупости объекта является, функциональная успешность (неуспешность) действий, выполняемых с его помощью: острый – ‘такой, который хорошо (быстро, легко, ровно) режет или колет’; тупой – ‘такой, которым трудно резать или колоть’.

Типично острыми предметами являются колющие и режущие инструменты, у которых данное свойство тесно связано с качеством выполняемой функции (*острые гвоздь, иголка* ‘легко прокалывают что-либо’; *острые ножницы, лезвие* ‘хорошо режут’), виды оружия (*острые меч, сабля*), а также части тела человека или животных, для которых данная характеристика тоже существенна (*острые клыки, клюв* – которые ‘хорошо грызут и царапают’). Таким образом, хорошее функционирование предметов является показателем признака остроты и составляет прямое значение прилагательного *острый*. «Признак остроты агентивен, в том смысле, что он проявляется активно, не предполагая никакого воздействия извне» [5]. Прилагательное *тупой* в прямом значении также характеризует предметы по качеству выполняемой ими функции (*тупые гвоздь, булавка* ‘с трудом прокалывают что-либо’; *тупые ножницы, лезвие* ‘плохо режут’).

Функциональная успешность работает и в метафорических употреблениях языковых единиц оппозиции: острый слух, острое зрение – ‘такое, которое наилучшим образом выполняет свои функции’; чувства, интуиция обострились ‘стали лучше выполнять свои функции’; острота зрения, слуха ‘способность в лучшей степени выполнять свои функции’ (*Его острая память сохранила встречи, беседы, картины северной природы*. Б. Н. Полевой [6]); притупленный взгляд, обоняние – ‘такое, которое стало хуже выполнять свои основные

функции' (Уже нет прежнего свежего наслаждения едой – как будто все вкусы надоели, притупились. А. Солженицын [6]). Слух, взгляд, зрение, обоняние и другие чувства и способности выступают в качестве инструментов, которые в остром состоянии качественно выполняют свои функции и положительно оцениваются языковым сообществом (острый слух = хороший слух), а в тупом состоянии, как правило, – отрицательно (притупившийся взгляд = неспособный все увидеть). Следует отметить, что контексты метафорического употребления языковых представителей компонентов оппозиции несимметричны: острая память, но не тупая, а притупившаяся память или память притупилась. Отсутствие контекстов типа *тупой слух, память и т. д. можно связать с первичностью положительной оценки, с необходимостью оценить именно успешность работы данных способностей восприятия и смягчить их недостаточно качественную функциональность. Характеризуя способности восприятия человека, языковые единицы оппозиции 'острый – тупой' становятся знаками общей оценки: 'острый' – хорошо, 'тупой' – плохо.

Оценивая эмоциональную и гносеологическую сферы, языковые единицы оппозиции 'острый – тупой' по-разному преломляют перцептивную ситуацию и, соответственно, получают разное аксиологическое наполнение.

Острый предмет, выполняя свое инструментальное предназначение, определенным образом воздействует на субъекта действия или наблюдателя. Особенности восприятия субъекта отражаются в метафорической ситуации, описывающей действия, которые могут в наблюдателе или субъекте вызвать определенные реакции, в первую очередь эмоциональные: *острые матч, момент, беседа, ситуация* 'вызывающие эмоциональное напряжение'.

В сочетаниях с названиями болезней, например острый гастрит, острое респираторное заболевание, лексема «острый» подчеркивает такую фазу протекания болезни, которая опасна для участника процесса (*Рахит имеет определенные стадии, а также две фазы – острую, то есть разгар болезни, и стадию остаточных явлений.* «100 % здоровья», 2002 [6]). В семантике таких сочетаний отражается восприятие болезней в качестве объекта, способного менять свое состояние и имеющего разные стадии изменения, в том числе пиковую, высшую, которая является очень болезненной и опасной для человека, как острый инструмент.

В сочетаниях с именами состояний и действий, которые могут проявляться с большей или меньшей интенсивностью, лексема «острый», выражая усилительное значение, не выполняет при этом оценочной функции, а только может интенсифицировать коннотативную окраску того состояния или

действия, с именем которого она сочетается: *острые желание, боль, радость, недостаток чего-либо* – 'очень сильное' (*Весь умственный рост, происходящий в двухлетнем человеке, вызывал теперь у Павла Алексеевича острый любовный интерес.* Л. Улицкая [6]). Слово «острый» могло бы в этих контекстах заменяться другими словами с интенсифицирующей семантикой (например: *острое, жгучее, мучительное, невыносимое, безумное* и т. п. желание), что еще раз подтверждает, что «этот особый вид количественной характеристики отличается ярко выраженной субъективностью», отражая особую значимость признака для говорящего [7]. Таким образом, в данных контекстах лексема «острый» утрачивает свою специфическую семантику и фактически несет в себе только значение 'очень сильно'.

Семы интенсивности проявляются и в сочетаниях предиката *обостриться* с именами действий и состояний: *боль, болезнь; радость, ощущение счастья обострились* – 'стали сильнее, выразительнее' (*В последние годы интерес к электропроводке без проводов вновь обострился.* «Русский репортер», 2011 [6]). А в антонимических контекстах *боль, болезнь; радость, ощущение счастья притупились* передается уменьшение, ослабление интенсивности проявления признака, состояния (*От этого страх притупился несколько – настолько, по крайней мере, что я не побежал к застройщику и вернулся к печке.* М. А. Булгаков [6]).

Несколько иначе ведет себя слово *тупой* в сочетании с именами состояний и процессов: *тупые боль, скука, усталость, молчание, терпение* – 'такие, которые не позволяют субъекту ни действовать, ни воспринимать что-либо'. Восприятие разных состояний (в том числе и нейтральных в эмоциональном плане) в качестве ограничивающих активность, функциональность человека оценивается однозначно плохо (*Я чувствовал тупое и тяжелое спокойствие. Ни о чем больше можно было не беспокоиться.* «Новый мир», 2001 [6]).

Таким образом, описывая эмоциональную сферу, оппозиция 'острый – тупой' в целом не является оценочной, а ее компоненты лишь реализуют каждый свои собственные перцептивные признаки. В первую очередь в семантике компонентов передается впечатление лица, воспринимающего определенное внутреннее состояние (*острое любопытство, тупая обида*) либо внешнее событие (*острый матч*), нашедшее отклик в его эмоциональном мире. При описании процессов, происходящих внутри человека, часто передается субъективное усиление этого процесса или состояния (*острая ненависть*), при этом оценочность уходит на второй план, уступая место интенсивности. И только в контекстах с лексемой *тупой* типа *тупое отчаяние*, в которых интенсивность

не выражается, в определенной степени проявляется оценка (ср.: *почувствовать приятную (тупую) усталость*).

При осмыслении гносеологической сферы компоненты ‘острый’ и ‘тупой’ не просто описывают – они оценивают объекты интеллектуальной деятельности (*острые (тупые) слово, высказывание, текст, шутка, статья, передача*), средство создания этой деятельности (*острый язык*) или самого субъекта (*тупой человек*). Они с разных сторон высвечивают участников перцептивной ситуации. В зоне ‘острый’ субъект предстает как наделенный способностью создавать объекты интеллектуальной деятельности и умело пользоваться ими как острым оружием, что хорошо его характеризует (*Старческого, однако, не было, заматерел – да, но стариком так и не успел стать. Мысль его оставалась свежей и острой*). Д. Гранин [6]. У адресата же этой деятельности данные объекты могут вызывать неприятную, болезненную реакцию, ранить его (*И всё это при том, что Виктор Владимирович отличался на редкость острым языком (его замечания порой были такими едкими, такими саркастичными, что многие их побаивались)*). И. Архипова [6]). В зоне ‘тупой’ субъект интеллектуальной деятельности оценивается как не обладающий достаточными умственными способностями (*тупой ученик, тупица, тупоголовый, тупоумный*) для создания осмысленного, интересного, содержательного продукта, результата этой деятельности (*тупые шутки, юмор, статья*), это может выражаться и внешне (*тупой взгляд, выражение лица, улыбка*), и во внутренних качествах, которые проявляются в его поведении (*тупое самодовольство, высокомерие, упрямство*), и получает отрицательную оценку общества (*Одновременно с этим стремительно увеличивается количество весьма тупых сериалов, реалити-шоу и прочей ерунды*). Комментарии к передаче «Прожекторперискхилтон» [6]).

Н. Ф. Спиридонова отмечает, что сущности, стоящие за именами *юмор, взгляд, улыбка, статья* и т. п., «агентивны по своей сути, обращены к адресату и призваны воздействовать на него своим содержанием. Однако сочетаемость с прилагательным *тупой* не позволяет «проникнуть внутрь» экспериенцера и вызвать его ответную реакцию. Значит, либо в них нет смысла, либо он не соответствует интересам адресата. Поэтому *тупой вопрос, юмор* значит ‘бессмысленный’ или ‘примитивный, неглубокий по содержанию’, *тупая улыбка* = ‘механическая, лишённая смысла» [5]. В сочетаниях *тупо смотреть, тупое лежание* также подчеркивается бессмысленность, ненаполненность вдумчивым, сосредоточенным действием, включающим ум и просчитывающим последствия (*Половина*

врачей тупо купили диплом и сидят на приемах в детских поликлиниках... [6]). И в ситуациях, когда объектом оценки выступает явление, не относящееся к интеллектуальной сфере, сема «бессмысленный» тоже угадывается (ср.: *Работа ему выпала тупая и в общем-то никому не нужная*). Д. Гуцко [6]).

Итак, именно в гносеологической сфере (ср. с эмоциональной) компоненты ‘острый’ и ‘тупой’ составляют аксиологическую диаду, оценивающую объекты интеллектуального труда с точки зрения способности или неспособности субъекта улавливать актуальное (что воспринимается как плюс) и попадать в него в своей деятельности, как острым орудием, вызывая порой болезненные ощущения у адресата, как если бы его поранили хорошо наточенным предметом (что может быть плюсом для субъекта и наблюдателя и минусом для адресата (объекта)); отсутствие такой способности оценивается со знаком минус. И именно при интерпретации гносеологической сферы имена оппозиции *острый* и *тупой* приобретают символические метафорические значения, отражающие процесс постижения человеком умственно воспринимаемой области действительности через более наглядное, понятное и важное для коллектива, реализующиеся, как правило, в сочетаемости конкретной лексемы с абстрактной (*острое выражение, тупая работа*), и может преломляться в производных (*остряк, остроумный; тупица, тупоголовый, тупоумный*). Так компоненты оппозиции ‘острый – тупой’ становятся знаками, которые языковое сообщество наделяет особой функцией – оценивать явления более сложной и менее известной сферы, чем знакомый чувственно познаваемый мир. Стоит отметить, что символическое значение появляется не у любой изначально конкретной лексемы, а только у той, которая является существенно важной для данного народа, которая наделена способностью «опредмечивать» определенное умопостижимое явление в языке, которая содержит «вещные коннотации» [8, с. 147] – образные ассоциации, присущие этому умопостижимому явлению в сознании носителей языка.

Таким образом, оппозиция ‘острый – тупой’ вписывается в мировоззренческую сетку координат, состоящую из разных бинарных противоположностей: пространственных (‘верх – низ’), параметрических (‘большой – маленький’), цветовых (‘белый – черный’) и т. д., – которая помогает человеку ориентироваться в многообразном окружающем мире. Наблюдение за предметами и явлениями действительности, выделение их важных параметров и свойств позволяет человеку наделять их аксиологическими признаками и использовать в качестве оценочной шкалы при интерпретации умопостижимых сфер – эмоциональной, этической, гносеологической и т. п., наращивая символические

смыслы. Компоненты оппозиции ‘острый – тупой’, в основе метафорической картины которой лежит функциональная успешность предмета-инструмента и реакция лица, воспринимающего действия этого инструмента, передавая сложные взаимоотношения участников перцептивной ситуации, описывают эмоциональную и гносеологическую сферы.

Характер метафоризации в этих сферах различается. Так, если при интерпретации эмоциональной сферы компоненты оппозиции выступают как самостоятельные единицы, не в составе оценочной оппозиции, и в своей семантике отражают особенности восприятия человеком внутреннего состоя-

ния или наблюдаемого внешнего процесса, подчеркивая их интенсивность без однозначной оценки, то при описании гносеологической проявляется именно аксиологическая природа оппозиции: ее компоненты становятся символами: ‘острый’ – символом хороших умственных способностей – умения чувствовать ситуацию и отражать ее в своем интеллектуальном произведении (слове, тексте и т.п.), хотя и вызывая в адресате не всегда приятные чувства; ‘тупой’ – символом недостаточной развитости умственных способностей или неумения их продемонстрировать в данной ситуации, что перерастает в общую отрицательную оценку субъекта, предмета или ситуации.

Список литературы

1. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: ДомКнига, 2005. 280 с.
2. Моисеева С. А., Бубырева Ж. А. Прилагательные осязательного восприятия как объект номинации и синестетических переносов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 84–88.
3. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Спиридонова Н. Ф. Прилагательные функциональной семантики: острый и тупой // Диалог. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7390> (дата обращения: 21.09.2014).
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.11.2013).
7. Родионова С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2 / под ред. Н. Е. Ананьевой и З. И. Карцевой. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 300–313.
8. Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. М.: Русские словари, 1997. С. 146–153.
9. Григорьева Т. В. Образное и символическое в семантике слова // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 4. С. 1842–1846.

Григорьева Т. В., кандидат филологических наук, доцент.
Башкирский государственный университет.
Ул. Революционная, 12-102, Уфа, Россия, 1450015.
E-mail: tagrig8@mail.ru.

Материал поступил в редакцию 08.10.2014.

T. V. Grigor'eva

ASSESSMENT AND SYMBOLIC RICHNESS OF THE OPPOSITION ‘ACUTE – BLUNT’

The author analyses the peculiarities of one of key axiological metaphorical oppositions ‘acute– blunt’ as a marker in the process of evaluation of reality. She describes the design features of its semantic space, highlighting the symbolic level – especially important for complex axiological processes. Based on data from modern dictionaries and texts of Russian National Corpus, distinguishes and characterizes aspects of life for interpretation of which a person uses this antonymic dyad. The author comes to the conclusion that the studied axiologic metaphorical binary opposition ‘acute – blunt’ fits into the general system of world coordinates, consisting of spatial, temporal, parametric, color and other opposites that help a person to find himself in a diverse world.

Key words: *opposition, axiological, metaphorical, symbolic meaning.*

References

1. Tsvivan T. V. *Model' mira i ee lingvisticheskiye osnovy* [Model of the world and its linguistic basis]. Moscow, DomKniga, 2005. 280 p. (in Russian).
2. Moiseeva S. A., Bubyreva Zh. A. *Prilagatelnye osyazatel'nogo vospriyatiya kak ob'ekt nominatsii i sinesteticheskikh perenosov* [Adjectives of tactile perception as the object of nomination and synesthetic transfers]. *Vestnik VGU – VSU Bulletin*, 2010, no. 2, pp. 84–88 (in Russian).
3. Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (in Russian).

4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By* (Rus. Ed.: *Metafora, kotorymi my zhivem*: Per. s angl. Pod red. i predisl. A. N. Baranova. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.) (in Russian).
5. Spiridonov N. F. Prilagatelnye funktsionalnoy semantiki: ostryy i tupoy [Adjectives of functional semantics: acute and blunt]. *Dialog – Dialogue*. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7390> (in Russian).
6. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyika* [Russian National Corpus]. URL: ruscorpora.ru.
7. Rodionova S. E. *Intensivnost' i ee mesto v ryadu drugikh semanticheskikh kategoriy* [The semantics of the intensity and its expression in modern Russian]. *Slavyanskiy vestnik – Slavic Bulletin*, Issue 2. Ed. N. E. Ananyeva and Z. I. Kartseva. Moscow, MAKS Press Publ., 2004. Pp. 300–313 (in Russian).
8. Uspenskiy V. A. O veshchnykh konnotatsiyakh abstraknykh sushchestvitel'nykh [About corporeal connotations of abstract nouns]. *Semiotika i informatika – Semiotics and Informatics*. Issue 35. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. Pp. 146–153 (in Russian).
9. Grigor'eva T. V. *Obraznoye i simbolicheskoye v semantike slova* [Shaped and symbolic in the semantics of the word]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta – Bashkir State University Bulletin*, 2012, vol. 17, no. 4, pp. 1842–1846 (in Russian).

Grigor'eva T. V.

Bashkir State University.

Ul. Revolyutsionnaya, 12-102, Ufa, Russia, 1450015.

E-mail: tagrig8@mail.ru.